

РИММА СНОУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОЛЬ 2

Обещана тебе

Rimma Snou

Соль 2. Обещана тебе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67730100

SelfPub; 2022

Аннотация

Окрыленная университетская юность обрывается в один момент для Марии, оказавшейся втянутой в наркоторговлю, благодаря сестре. Она будет мстить за ее тяжелую и горькую смерть, пойдет до конца с пистолетом в дрожащей руке и подстреленная, загнанная в угол, будет готова отправиться за ней. Не жалея ни о чем, она оставит в сердце только Его, взрослого и сильного чужака, случайного любовника, кто решится спасти ей жизнь и не откажется от раненой души. Кто они друг другу? Первая и последняя любовь? Суждено ли им пронести свою страсть и любовь сквозь вереницу опасностей и тревожные сны? И так обещала судьба...

Содержит нецензурную брань.

Rimma Snou

Соль 2. Обещана тебе

Пролог

– Просто немного терпения, обычного терпения... – бормочу себе под нос, ткнувшись лбом в маленький холодильник в комнате обслуживающего персонала отделения, возле которого уселась на пару минут, стянув тонкие кеды, натершие мне пальцы.

Словно вторя всему мирозданию, решившему проехаться по мне по полной, они не желают становиться шире и беспощадно стирают мне кожу который день. Упрямо глядя на свои острые коленки, я потираю ладонями виски, мечтая избавиться от тяжелых мыслей хоть на один вечер. Они царапают меня изнутри, не давая покоя. Стоит остановиться, и снова мысли о нем впиваются иголками и раззадоривают меня до слез.

Ни черта я не изменю в своей поганой жизни! Хоть в него, хоть в целую толпу обеспеченных мужиков могу влюбиться, но останусь собой – глубоченной неудачницей, служащей нищей санитаркой в наркологическом отделении. Может, в прошлой жизни я отрывала крылья бабочкам? Иначе за что на мою голову свалилась сначала Рая с океаном проблем, а теперь еще и он. Этот «он» прижал мое сознание к стене, и теперь мне совершенно по хрен, кто он, чем занимается и

какого черта гоняет на бешеной скорости по Москве.

Я не хочу знать о его личной жизни ничего! Не было меня в ней! И быть не могло!

Его личная жизнь... Ухоженная, подходящая ему по возрасту брюнетка с изящным вырезом на платье до самого копчика, оголяющем спину. Еще в нашу первую встречу все было понятно без слов. Она точно лучше меня, эффектнее, упакована по полной, с ней не надо возиться, и она вообще сама является пред его очи ясные! А я ему кто? Роняю слезу на свою босую ногу. На ее длинных ухоженных пальцах как минимум три кольца, и одно из них точно брачное. Хотя, что я могу знать о драгоценностях, из которых у меня осталась лишь подаренная мамой цепочка, да благодаря стараниям Раи, и той больше нет?

Возможно, эта брюнетка его жена, а может, любовница, которую он балует и периодически «выгуливает» в свете. Я проклинаю себя за то, что думаю о ее кольцах, а заодно об аристократически длинных и красивых пальцах мужчины, под которыми играло мое тело, сгорало и умирало одновременно, понимая всю страсть нашей встречи и ущербность моей нынешней влюбленности.

Кое-как натягивая носки на болезненные пальцы, я ныряю ногами в кроссовки и выскальзываю за дверь, пока не появилась старшая медсестра с ее бесконечными претензиями и просьбами-приказами. Длинный знакомый коридор, спуск по лестнице, и вот я под проливным ледяным дождем,

специально «зарядившем» для меня. Даже погоде я не угодила! Закуриваю, выдыхая вместе с живительным ментолом пар изо рта. К крыльцу плавно «подбирается» угольно-черный «BMW», мигнув аварийкой. Пассажирская дверца приоткрывается, и мне не нужно даже заглядывать туда, ведь я знаю эту манеру появления. Чувствую ее своим предательским телом, которое дрожит до кончиков волос! Это он. Даже не снисходит до взгляда на меня. Он знает, что я сяду к нему, потому что нет выбора! Нет проклятого зонта, нет теплой одежды, ничего нет, и сил бороться с собой то же нет. Меня почти не осталось, кроме той части, что продолжает жить и дышать им и для него.

Прискорбно, но в свои двадцать я пришла именно к таким печальным последствиям. Отличница, претендующая не только на медаль, но и на красный диплом, блестящее знание языков – кому я на хрен нужна, кроме этого хищного BMW и его хозяина? Точнее, кто бы меня отпустил... Мечтаю, не сдохнуть под проливным дождем от сердечного приступа, потому что сердце заходится при виде его, вальяжно выбирающегося из-за руля и приближающегося ко мне. Черный костюм изящно разведен полами, под ним белоснежная рубашка с расстегнутым воротом, в который пробираются темные волоски с груди. Их немного, но прикосновение к ним жжет пальцы и мое тело помнит их, как и густую щетину на подбородке. Я готова провалиться сквозь землю под пронзительным взглядом черных глаз, пробирающих меня

похлеще ледяных капель.

Мне бы припомнить, почему я не должна подчиняться ему, но не могу, ведь та моя часть, что уцелела, больна, отравлена его ядовитой привлекательностью и мужской силой. Она тянет мои нервы крюками, выкручивая, не позволяя отвести взгляд. Тяжелые глаза породистого хищника и опасного человека, но будь он бесчувственным чурбаном, я не смогла бы отдать ему душу! Он горячий и живой, но лишь иногда, в те короткие минуты, когда шепчет глухо на ухо и накручивает на кулак мои волосы.

В мгновение не замечаю хлещущего в лицо дождя и делаю шаг ему навстречу.

– Ты не ошибся? В твоем вкусе брюнетки... – нахально и задыхаясь от ужаса бросаю, зная, что хожу по краю, зля его. Выводить из себя хищника еще приятнее, чем быть под ним и скулить от страсти, и я, черт возьми, играю с огнем.

– Мне лучше знать, кто в моем вкусе. – невозмутимо отвечает, и кажется, что капли дождя плавятся, попадая на его густые брови, потому что из-под них светят два черных угля, прожигая меня насквозь. – Сядь в машину.

– С чего бы это? Я послала тебя еще днем, – продолжаю.

– Просто сядь в машину. – его выдержка не знает границ, потому у меня самой уже упало сердце от страха, а мужчина просто ждет.

Он уверен, как я поступлю. Я не посмею поступить иначе! Поджав губы, опускаюсь в мягкое кресло люксового сало-

на. Он быстро оказывается рядом, включая что-то на панели приборов, и становится тепло и комфортно. Двигатель начинает мерное рычание, и авто срывается с места, придавливая меня инерцией. Он ведет машину, как псих, но так уверенно, резко, четко, что, не имея никакого опыта вождения мне кажется, будто до этого он управлял чем-то вроде истребителя или БТР. Исподтишка разглядываю его, немного повернув голову. Четкие профиль, подсвеченный огнями панели, высокие скулы, короткие темные волосы и бородатый подбородок. Я готова взвыть от того, как хочется коснуться его лица, хоть на мгновение, но недолжна себе вновь позволять эту слабость. Еще есть крохотный шанс, что я смогу избавиться от него, как от тяжелой болячки, иначе мне конец.

Пятиэтажки, похожие друг на друга, это мой район. Он и вправду везет меня домой, но знал бы, как я не хочу туда! Стены моей комнатухи давят на психику, и от одиночества впору застрелиться. Я предпочла бы остаться в этой машине, но это ведь невозможно?

– Значит, Маша... – он поворачивает ключ зажигания и складывает руки в замок на груди.

– Ну, да. – скорее всего, он наводил справки обо мне, и по фото в полицейской базе легче всего было найти, проходящую по всем полицейским сводкам.

Мне плевать, как в этой истории зовут меня.

– Я бы удивился, если бы ты не согласилась. – любимый мне голос ласкает слух, и да, я не прочь хоть бы болтать о

ерунде.

– Понимаю, что выяснял, кто я, раз нашел место моей работы. Зачем?

– Мне показалось, что тебе нужна помощь.

– Да ты что! Мне ни черта не нужна помощь, особенно таких мажоров, как ты! – знаю, что безмерно бешу его, но не могу иначе, ведь в противном случае я просто растаю, растекусь лужицей горячего меда у его ног и зареву в голос. – Креститься надо, когда кажется!

– Потренируюсь... в следующий раз, если ты не против? – бровь выгибается красивой линией, и мое сердце сжимается от того, как я хочу его.

– Не против? Значит, не спасать заблудшую душу, а всего лишь потрахаться ты приехал? Что ж, у тебя есть один час! – выпаливаю, не думая ни о чем, и выбираюсь под ледяную влагу из машины. Идем медленно к подъезду. Беззвучно замираю, зная, чувствуя, что он идет следом.

Мы стоим рядом у двери, пока я ищу в кармане сумочки ключ. Не сговариваясь, молчим, поднимаясь на второй этаж, и я открываю дверь, входя и тут же открываю дверь комнаты, перегораживая проход по коридору дальше. Он заметит, что это всего лишь комната, а не квартира, но мои действия раззадоривают меня. Я не могу предложить ему апартаменты в пентхаусе с панорамными окнами. Мой угол именно такой!

Бросаю сумочку на стол и зажигаю ночник, едва освещающий комнату. Не важно, насколько светло, потому что моя

кожа горит под взглядом мужчины. Он полон негодования от моей дерзости, но последовав за мной, отнюдь не против моего предложения. Черные глаза готовы просверлить во мне дыру, и готова поклясться, что он не рассчитывал на такое окончание вечера. Стягиваю промокшую куртку с плеч и разворачиваюсь машинально, зная, что воткнусь в стальную грудь. Наши взгляды встречаются, и по телу пробегает разряд молнии от прикосновения его горячих рук.

Он оглаживает мое лицо ладонью, запуская пальцы в волосы и притягивая голову. Требовательные губы захватывают мои. Отвечаю, умоляя его быть со мной сейчас, не сопротивляясь нисколько. Я достаточно умоляла себя забыть эти руки и тело, но видимо, слишком слаба для финального аккорда. Мужчина в черном – моя личная овердоза, и меня укачивает в его руках, как ребенка. Я подседа, и ничего хорошего уже не будет. Сердце колотится в груди от страха, что после моей безрассудной выходки, наглого предложения он может быть по-настоящему груб, и бежать мне просто некуда, но я согласна даже на это. Готова поклясться, что между нами искрит, но Дон выглядит спокойным, с выверенными движениями стального тела. Только черные как ночь глаза, выдают, пожалуй, возбуждение.

Прихватив мои волосы, он вынуждает немного запрокинуть голову.

– Тебя найдут...

– Ревнуешь? – шиплю, испуганной змеей, но ощущаю

приятное тепло от этого вопроса.

Ему не безразлично, что будет со мной потом? Крохотная надежда утопает в черных горящих глазах. Его руки тянут вверх мой тонкий джемпер и умело расстегивают бюстик, обнажая до дрожи. Он тоже раздевается, и загорелая кожа контрастирует с моей, особенно бледной в свете маленькой лампы. Перед глазами пляшут огненные всполохи, когда он всасывает, лижет мои напряженные соски. Прижимаю его голову к себе, пробегая пальцами по коротким волосам.

– До-о-он... – вырывается мой стон, когда твердая эрекция вжимает меня в спинку кровати.

Знаю, что не это его имя, лишь прозвище, но для меня три эти буквы смешались в самое лучшее и болезненное на всем белом свете, и именно их сознание выделяет во всех остальных словах и надписях, рекламных слоганах, титрах ТВ. От грубого шлепка по ягодице я вздрагиваю, и по телу разливается волна жара. Меня ведет и боком опускаюсь на кровать, взирая на его идеальное тело. Я тосковала по каждой его черточке, каждому мускулу, черт его дери!

Сильные руки переворачивают меня вниз животом, спуская с кровати ноги, и между ними кружат умелые пальцы, высекая искры, кружа по промежности. Я мокрая, как стерва, потому что хочу его до истерики, до стоны, до последнего рваного стежка дыхания. Его хриплое рычание за спиной сводит с ума.

– Возьми меня, – умоляю, стоя на четвереньках и комкая

собственное одеяло дрожащими пальцами.

Тяжелая ладонь ложится на поясницу, прогибая меня податливой дугой, и в мое лоно врывается твердый член, разносящий к чертям сознание. Я ждала этого! Тосковала, ныла и рвалась внутри себя, вспоминая каждое уверенное движение, каждый собственный и его стон. Назло ему, я кончаю, давая себе окунуться в приятно мучительную волну и расслабить хоть немного подрагивающее тело.

Он внутри по-прежнему. Сжимает мою талию до хруста, до синяков на боках, но я кайфую от этого, продолжая запускать сладкие спазмы по его члену.

– Заполню тебя всю, – хрипло говорит, и меня снова закручивает сладким недугом, одурманивающей тягой к тому, с кем и рядом я быть не должна. Я болею им, растворяясь в каждой мысли, малейшем воспоминании о нем. Знаю, как горячая грудь взывается и мускулы на плечах переливаются капельками влаги. Мне тоже жарко. Наши бедра пошло шлепают друг о друга, разнося звуки по пустой комнате.

Замираю, постанывая и принимая как лучшее наслаждение грубые толчки. Никогда я не попрошу пощады, потому что умираю без него. Моя жажда жизни сродни безумству, ведь он не мой. Его тело загорелое, и нежилось где-то в той части жизни, где точно меня нет! Мои слезы катятся по щекам, но я улыбаюсь, как сумасшедшая дура, потому что в эти мгновения чувствую его внутри себя. Сейчас! Всего несколько минут он мой и во мне!

Последний удар бедрами о меня, и Дон падает вперед, прижимаясь ко мне влажной грудью. Чувствую каждый волосок на его широкой груди, не смея издать ни звука. Я люблю его таким, когда удовольствие захлестывает, и он становится каким-то расслабленным, хотя кого я удивляю? Он не бывает расслабленным и спокойным! Он всегда натянутая струна, комок энергетического пучка, выворачивающий меня наизнанку прежде, чем получить удовольствие самому. Провожая его последними спазмами лона, и по внутренней стороне бедра стекает горячая капля. Еще клочки его горячего дыхания, еще вдох...

Он отпускает меня, проводя ладонью по спине, и выпрямляется. Звук его сердца остается фантомом на моих ребрах. Он все еще со мной, и останется там какое-то время, пока я не найду силы вырвать его из своего сердца. Прижимается лбом к моему плечу, когда я резко встаю, терпя звезды перед глазами и подрагивая на нетвердых ногах.

– Мне нечего тебе сказать, – выдыхаю, опустошенная до звона и окончательно растоптанная, жалкая.

– Я не прошу говорить, – проводит рукой по моей щеке. – Тебя не оставят в покое, знаешь?

Заворачиваюсь в полотенце, переброшенное через спинку кровати, чтобы прикрыть наготу. Он уже поднял брюки и застегнул ремень, поэтому мажу взглядом по его идеальному торсу, прикусывая губу. Мы оба понимаем, что ему не место в моем доме. Это все...

– Тебе пора, – не узнаю свой голос, сдыхая от горечи этих слов.

Мне ничего, бл*, не нужно от тебя с твоей чертовой упакованной жизнью! Хотелось почувствовать хоть в этот раз, что мы на равных, но нет. Гадкая иллюзия, несбыточные мечты и болезненное послевкусие от умопомрачительного секса, который он не захочет повторять. Возможно, завтра, меня уже не будет, и многое станет не важным, но здесь и сейчас я сознаю, как больно мне терять его, последнего близкого человека, ведь сердце подсказывает, что последнего.

Меня обдаёт потоком воздуха, и слышу неприятный скрип двери. Это все...

Глава 1

Дон

Месяц назад

Проснувшись в растрепанном настроении, уставляюсь на «питейный» глобус-бар, стоящий у кровати. На нем грустно повис мой кашне, небрежно брошенный вчера. С таким успехом превратится этот глобус в вешалку. И угораздило же Тамару подарить мне эту безделушку радиусом в полметра! Передарю Олегу. У него загородный дом, хоть на роликах катайся, а я только спотыкаюсь об это «чудо света».

На ум приходит причина моего «невареного» настроения – день рождения. Очередное расстройство. В детстве ждешь с придыханием, часы считаешь, а сейчас уже понимаешь со

всем вкусом, что «молодость важней погон...» Кстати, о пышногрудой исполнительнице песни про эти самые погоны... Спешу подняться с постели, потому что утренняя реакция организма на лежащую рядом женщину обескураживает, а ведь мы давно уже друзья. Мне не свойственно менять диспозицию на ходу, поэтому друзья так друзья.

– Проснулся? С днем рождения. – вяленько бурчит жена, не отрываясь от подушки.

Она вполне согласна с нашей диспозицией. Когда вместе приличное количество лет, то дружба является самым пикантным и единственно возможным вариантом между мужчиной и женщиной. Может, конечно, изменится и снова что-то вспыхнет, но за сумасшедшей работой мне не особо вставляет этим заниматься.

– Ох, спасибо... – встаю и направляюсь в кухню, улавливая на подступах тихий хохот.

– Ой, пап! С днем рождения! – Мариша оказывается в моих объятиях и смачно целует в заросшую щеку.

Замечаю за ее спиной «нечто...» Огненно-рыжий, в веснушках, с рыжими ресницами, высокий и худощавый паренек. Он переминается с ноги на ногу и бледнеет, встречаясь со мной своими прозрачными голубыми, как в сказке, глазами. Вот чудо-то! Хмурюсь, инстинктивно в штыки воспринимая на своей территории чужака. Надеюсь, он приперся утром, а не ночевал тут... с моей дочуркой. Выясню, и рассчитаю, если что.

Исключительно похож на кота, молоденького, чистенького, на окошке с геранькой. Так и охота потрепать за ухо и выставить за дверь!

– Мы тебе пирожки испекли! С малиной! – дочка изображает умильную моську, сбавляя мое недовольство.

Умытая и свежая, благоухающая сладкой туалетной водой, с яркими глазками и вся такая из себя сочная, она поднимает мне настроение уже одним своим видом. Ранняя пташка, как и я. Удивляюсь, как ей удается быть в отличном настроении всегда.

– Спасибо, моя булочка. – расплываюсь в улыбке.

– Пап, ну, сколько можно-то? – так мило возмущается на свое прозвище, хмуря брови.

– Для меня ты всегда останешься... Погоди, уже «мы»? Это кто? – отстраняюсь от нее, переключаясь на Рыжего.

– Это мой сокурсник, Вадим. Извини, познакомься, пожалуйста. – она смущенно загорается румянцем, прикасаясь к руке Рыжего. Ясно мне все, бляха! Избранник! Да такой... несуразный!

– Поздравляю! – Рыжий двигается к нам и протягивает руку, пытаюсь улыбнуться, но бледность на его лице сменяется румянцем, да таким, что щеки становятся пунцовыми. Детский сад!

– Николай Михайлович. Папа юной леди Ваниной... – бурчу, а что мне еще остается, стоя посреди собственной кухни в домашних брюках?

Даже жаль, бедолагу! Готов в обморок хлопнуться от волнения. Может, я такой суровый, заросший и хмурый? Поживи-ка с мое, не такой будешь с утра пораньше.

– Надеюсь, к сессии вы готовитесь отдельно? – подергиваю бровью недовольно.

Еще бы! Девчонке только девятнадцать, а у этого рыжего кота гормоны через уши! Да и вообще я не готов отпустить дочку... Знаю, конечно, что будет у нее со временем и мужчина, и семья своя, но не сегодня же!

– Пап... – малышка стреляет в меня темно карими молниями и кривит губки. – Нам пора! Хорошего дня!

– Рад знакомству! – выпаливает парень, спотыкаясь, и Мариша утягивает его за руку.

Стою с противнем посреди кухни и хлопаю глазами. Выросла моя малышка... Откладываю ее ароматные пирожки и направляюсь переодеться, чтобы пробежаться перед завтраком. Хорошая привычка держать организм в тонусе сохраняется еще с армии, а то так проснешься однажды, пузо лежит рядом, морда не то, чтобы заросшая, а еще и обрюзгшая, и мозги в кашу. И это я не заморачиваюсь вовсе понятием «старость» или «мужичий кризис», в отличие от женской половины человечества. С себя спрос в первую очередь! Именно себя нельзя распускать, чтобы все вокруг продолжало оставаться прежним.

Быстро наматываю положенные километры и возвращаюсь, довольный собой.

Мысленно присвистываю какую-то мелодию, подхваченную в наушниках, стягивая кроссовки.

– Десять минут и завтрак! – Тома выплывает в розовом пеньюаре из ванной с закрученным на голове полотенцем.

Быстро расправляюсь с водными процедурами и усаживаюсь за стол, прихватывая ароматную выпечку. Раз у меня сегодня «грустный праздник», то и завтрак устрою себе не правильный, а просто вкусный.

– Мариша поздравила? – интересуется Тома, стоя ко мне спиной и колдуя над кофейной туркой.

– Да. Только вместе с ней был еще молоденький рыжий котяра! – выдаю, немного возмущенно.

– Молодцы какие. Вадик не плохой мальчик, воспитанный, не балбес. – она протягивает мне коробочку с галстуком.

Издевается, не иначе. Я не ношу галстуки. Задыхаюсь в них. Это десятый по счету!

– Спасибо, конечно... То есть ты в курсе? А с чего такие выводы? – переключаюсь с ее «подарка», навевающего грусть.

– Естественно в курсе. Что тут такого? Марина уже взрослая девочка.

– Такого? Ветер у обоих в голове! – высказываю свое мнение, не заботясь о том, что оно слишком «косное». Я же папашка!

Тома усаживается напротив, выставляя дымящийся кофе.

Она невозмутима и нарочито доброжелательна. Как-то получилось у нас, что Маришка – моя любимица, а Тома старается ее воспитывать взрослой и правильной с самого начала.

– Себя вспомни в эти годы. Ты же не с рождения такой умный-преумный получился? – с нарочитым сарказмом и слишком уж заумно получается.

– Я работал и от родителей не зависел.

– Ванин, ну, время другое было. Сейчас у них есть возможность учиться и набираться ума не по северам. Пусть учатся!

– Пусть. – сейчас легче согласиться, потому что Тома не в настроении.

Когда живешь с человеком добрых лет двадцать, то улавливаешь любую перемену во взгляде, тоне голоса, мимике. И сегодня моя благоверная недовольная. Может тем, что вчера я уснул, не дождавшись, пока она перемажет на себя весь крем и наболтается по телефону?

Мы отделились друг от друга в последнее время, разлетелись по разным континентам. Я погряз в бизнесе Олега, который значит для меня очень много. И друг, и брат, и босс. С армии вместе, чего тут делить? Да и не обидел он меня ни разу за всю жизнь, помог в свое время так, что ни минуты не думал, сорвался из своего села под Смоленском напрямиком в столицу и не пожалел ни разу. Тамара же, закончила бухгалтерские курсы, и теперь рвется из замов в главные бухгалтеры, посвящая этому достаточно времени. Разные у нас инте-

ресы, разный режим дня, и, пожалуй, общее – только дочь. Маришка. Наверное, чувства, и правда, сдыхают со временем, оставляя привычку, привязанность, благодарность, но уж точно не страсть.

Печально – не печально, но мы вовсе не обязаны быть одинаковыми. Поначалу обеспечивал семью я, теперь вот Тома имеет возможность зарабатывать. В столице, конечно же, хочется и выглядеть не хуже других, и бывать на мероприятиях каких-то. Тома у меня интересная, с хорошей фигурой и ухоженным лицом, поэтому и понятно ее желание не засиживаться дома у плиты.

Я же задумчиво разглядываю золотистые листья березы. И бед никаких нет, и тревожно на сердце. Как предчувствие чего-то нехорошего. Слишком довольная Маришка, слишком спокойная Тома. В чем подвох?

Глава 2

Дон

Набираю Олега прямо из машины по громкой. Терпеть не могу откладывать разговор из-за времени или обстоятельств.

– Утро доброе, Олег. Везу рации на производство. У тебя появиться?

– Если только по Архипенко.

– Ты все же надумал? – спрашиваю, предвидя огромный пласт работы по обеспечению серьезной сделки.

– Да, Ванин. Я надумал. Выгодный вариант. Не вижу

смысла отказываться. Пробей его, не изменилось ли чего, чтобы я со спокойной душой его подвязывал.

– Сделаю.

– Как сам? Как семейство?

– Нормально. – напрягаюсь всегда, когда даже Олег спрашивает о семье.

Семья – это очень много. Дом, тыл, надежная стена. Для нормального мужика – это в принципе все. Остальное – мишура и блажь, за исключением, пожалуй, крепкой дружбы.

– Тогда с днем варенья тебя! Мои поздравления на дебетовке, и радуйся, что плюсом три! У меня вот уже четыре, и это не так комфортно! Вечер посвяти себе. – посмеиваясь, заключает Олег.

– Как бабе, а? На маникюр что ли сбегать? – иронизирую, коверкая голос.

– Ну, можешь и туда! – раскатисто смеется Горыныч.

Долго привыкал я называть его официально. Для меня он все тот же Горыныч, что и раньше, только старше, с заросшим подбородком и в очках. Олег Робертович... Посмеиваюсь. Горыныч, бляха! Жизнью Маринки обязан ему!

– Понял. На связи.

Улыбаюсь, но быстро возвращаюсь в привычное состояние полной тревожности. Недаром очередной сон дергал меня полночи. Обычно такие сны считают вещими, а я уверен, что это проекция на реальность. Если полжизни пребывать в готовности «служебной овчарки», то немудрено, что

во сне бежишь, непонятно от кого и куда, задыхаясь от ужаса. Причина все же банальна – те полгода, что отслужил в первую чеченскую. Олег отправился домой, а я решил «поднять» немного на контракте. «Поднял», но окрестности Хасавюрта так и приходят ко мне по ночам. Бегу, бывает, по политой кровью бетонке, и на утро лишь понимаю, что моя война осталась только в голове. Вовремя уехал, иначе поехал бы всей кукухой, но отголоски остались.

Бросаю злобный взгляд в зеркало заднего вида и не обнаруживаю коробку с рациями. Вот черт! Вчера прихватил из машины, чтобы не вскрыли, видя наживу. Постоянные передвижения на двух служебных авто с сопровождением и собственный BMW рано или поздно привели бы к тому, что такой педант, как я, забыл какую-то вещь дома. Грохая ладонью по бедняге-рулю, перестраиваюсь, ухожу на разворот и плетусь в пробке обратно к дому.

Еще в лифте открываю входную дверь с электронного ключа и мобильного, чтобы не терять время. Оказавшись в прихожей, подхватываю забытую коробку, но слышу в кухне голоса. Странно, все должны быть на работах-учебах...

– Давай дождемся твою маму, иначе я потеряю причиндалы на раз-два! Марин, ну, не плачь!

Очень интересно... Хмурясь, распахиваю дверь кухни, наблюдая зареванную дочку с утренним рыжим парнем.

– И с чего я должен буду проявить интерес к твоим причиндалам? – громыхаю, подозревая самое ужасное для отца

едва подросшей дочурки.

Парень снова белый, ну, это я уже видел, а вот Маринка, обычно не теряющая голову ни в каком случае, не роняющая зря слез и вообще самая позитивная в нашей семье, сидит на стуле и рыдает.

– Мариш... – склоняюсь над ней, глядя по голове, но вдруг парень ошарашивает.

– У нас будет ребенок. – ляпнул и замолк.

Устремляю на него глаза, закипая и дурея одновременно.

– Чего? – мгновение, и мои руки поднимают в воздух щенка за грудки.

Побелевшие костяшки скрипят, но Марина повисает на мне в слезах.

– Папа! Не надоооо... Пожалуйста! Это я виноватааа... – опускается в рыданиях на пол.

Бросаю парня и подхватываю ее за подмышки, обнимая и прижимая к себе. Как же так? Какой ребенок? Она сама еще ребенок! Мой! Любимый! Как ни странно, но, видимо, именно ее проблемное рождение двинуло по мне так, что я идеализирую ее всю жизнь. Знаю, что обычная девчонка, пухленькая, сочная, при этом энергичная, с легким нравом, она – лучшее, что со мной случилось в принципе!

– Вы оба с ума посходили... Как? К-какой ребенок? – лопочу, заикаясь, а внутри уже рвется что-то, горит, будто углей проглотил.

– Это моя вина, Михаил Николаевич! – встречается «ками-

кадзе», не успокаиваясь, и даже с вызовом.

– Николай... – мяукает Маринка, всхлипывая.

– Простите... – бубнит, моргая.

– Молчи лучше... – скрежечу ему сквозь зубы, отсрочивая расправу.

– Марин, не плачь, пожалуйста, тебе вредно волноваться. – парень пытается гладить ее по руке, но так это выглядит по-идиотски!

– Ей с тобой вредно видеться, идиот! – не выдерживаю, грохоча хриплым басом.

– Пап...

– Мариш, скажи нормально, а? Ты залетела от этого... Но вы же... Да, бляха... – бормочу, не отпуская дочку из объятий.

– Папуль... Уже два месяца, – поднимает на меня свои огромные темные глазищи, полные слез, и все, я потек.

Больно за нее невыносимо. Как же так? Она же только жить начала. Какой ребенок? Да еще от такого же ребенка!

– Что мне сделать? Мать знает? – спрашиваю ее, испуганную и дрожащую.

– Не знает, пап. Мы-то узнали только утром, и вот... думали, кому сказать первому. – она всхлипывает, судорожно растирая слезы по лицу.

– Николай Михайлович... Марина не виновата...

– Ты можешь заткнуться, сопляк? Виноват-не виноват, сейчас это какое имеет значение? Я догадываюсь, КАК дела-

ют детей, прикинь? И виноваты вы оба! – выдыхаю. – Только ты парень, мог бы и озаботиться!

– Я пробовал...

– Ой, все! Даун, твою мать! – на мою реплику Маринка снова заходиться в рыданиях.

– Послушайте, – не унимается малец. – Только на аборт ее не ведите. Я... Я продам бабкину хату, я заплачу... только не...

– Чего? – кажется, я подвигнусь умом сегодня. – Чего ты несешь?

– ... Он же живой уже. Он же мой... – в прозрачных глазах тоже собирается сырость, и пухлые губы мальчишки дрожат.

– Пааап... Вадиииик...

Я закрываю рот, потому что сил спорить больше нет. Двое малолеток пускают слюни, и единственным взрослым здесь являюсь я, на которого эти двое вывалили свои грешки. И не особо-то они ужасные, эти грешки, так, всего-то дети собралась родить детей. Никакой катастрофы, собственно...

– Значит, так. Матери сказать придется. Сядем спокойно и решим, что дальше делать, идет?

Маришка кивает, а Вадик этот явно ищет смерти.

– Я заплачу, слышите. Это подло! Он даже ответить не может... Мы...

Отпускаю дочку, усаживая обратно за стол и хватаю за шкуру парня, утаскивая его в комнату.

– Не бойся, не убью! – бросаю ей, закрывая дверь. – Слу-

шай сюда, недоразумение! Засунь себе свои деньги... Чтобы я больше этого не слышал, ясно? Натворили дел, так хоть в руках себя держите! Твоих соплей мне еще не хватает! Ты мужчина или где?

– Понял. – ответил, как ни странно четко. – Мы придем вечером к Тамаре...

– Семеновне... – добавляю. – И спокойно, ясно? Не дергай Маринку!

– Понял. – кивнул снова. – Мы на пары, и будем тут.

Вздыхаю, возвращаясь к Маришке. Она вовсе не бестолковая, и не ветреная, и... ужас весь в том, что я очень боялся такой вот ситуации, когда она по своей доверчивости окажется молодой одинокой мамой.

– Все, не реви. Вечером все решим. Обещаю, что без крика. – целую Маришкину золотистую макушку и подхватываю коробку с рациями.

Вот так заскочил домой! Охренеть, а не день рождения. Ташу коробку, будто она не три кило, а пятьдесят три весит, и на душе погано. Не уберег. А как тут убережешь? В клетку посадишь? У Олега такая же по возрасту соплячка скачет, мозг выносит. Моя хоть по барам не шляется, да одета прилично.

Весь день на производстве я без конца прокручиваю в голове утреннюю сцену, не находя подходящего решения. А каким оно может быть? Аборт или ребенок. Чего изображать идиота из себя? Как так-то? Смятение нарастает к вечеру,

когда, измотав себя и подчиненных, я наконец, выезжаю домой.

На открытой парковке во дворе замечаю незнакомую Volvo, сиротливо прижавшуюся у въезда. Отмечаю такие перемены всегда и везде. Служба обязывает, да и просто приметливость. В неприятном настроении поднимаюсь в лифте и открываю дверь своим ключом. Тишина. Прохожу в кухню, оттуда в гостиную и никого. Набираю телефон Маришки.

– Пап, мы в пути. Полчаса.

– Где носит-то? Уже семь вечера! Кончились все пары вместе взятые!

– Ты обещал... без крика. – с укором отвечает Марина.

– Ладно. – тяжелый вздох. – Я дома.

Сбросив вызов, следом набираю Тому, но абонент не доступен. И чтобы это могло значить? Припоминаю, что когда-то установил на гаджеты своего семейства отслеживание, но ввиду доверительных отношений, кажется, ни разу не воспользовался. Противный холодок пробегается по спине, от чего невольно съеживаюсь, но нажимаю на значок загрузки. Впервые за время семейной жизни я решаю посмотреть, где моя супруга. Не поздновато ли? Усмехаюсь пришедшей на ум глупости, и сверлю глазами экран, чтобы хоть он вразумил мою «приболевшую» именно сегодня голову.

Спустя пару минут нехитрых телодвижений, я отчетливо вижу на карте, что телефон жены находится в нашей многоэтажке. Ушла в гости к соседке? Кладу гаджет на стол и оди-

озно убираю руки в карманы, бросая украдкой взгляд в окно. А там... к неизвестной Volvo, трусит Тамара, оглядываясь, и плюхается на пассажирское сиденье...

Водить машину она так и не научилась. Пробовала неоднократно за городом, по лесу, где одна прямая колея, но бесполезно. Педалей, скоростей и кнопок слишком много, а еще есть деревья, газоны (непроезжая часть) и пешеходы. За неимением своей авто, Тому иногда подвозили до дома подружки. Мне было известно о существовании пары таких, коллег по работе, вполне приличных, созерцаемых мною иногда, когда забирал благоверную из кафе или гостей. Вместе мы появлялись на людях не часто, если не сказать, что крайне редко, но подвезти, отправить с этой целью одного из свободных водителей холдинга было обычным делом. Но тут она как воришка добегает от соседнего подъезда к машине класса «люкс», и та срывается с места, открывая шлагбаум с ключа.

Она уехала с кем-то, кто живет в нашем доме? Потираю лоб, подбородок, нутужно прикидывая, но вопросы лезут один за другим, раздражая до зубного скрежета. Никогда не принимал поспешных решений, не порол горячку, в отличие от Олега, но вот появляется задачка, которую придется распутывать. Для меня это нонсенс. Я в принципе догадливый до чертиков. Сейчас же мне надо признать, что у жены любовник? Или это детективная история с романтическим налетом? Бредятина, вот что это! И больше всего насторажи-

вает, что мне не особо это интересно в свете происшествий с дочкой.

ГЛАВА 3

Дон

– Пап... – голос Маришки выдергивает меня из размышлений, и я шагаю в прихожую.

– Умоюсь, а вы в кухне. Я голодный. – тычу указательным пальцем в парочку и скрываюсь за дверью ванной.

Холодная вода особо не помогла, но немного утомонила моих бешеных демонов, призвав разум к конструктивному диалогу. Сколько раз я наблюдал, как психуют и выходят из себя люди, удивляясь такой несдержанности. И вот сам уговариваю себя не горячиться.

Самое противное в том, что горячиться, собственно, не на что. Мы, именно мы оба с Томой приняли такое решение некоторое время назад как данность, и ни один не пытался это исправить. Соседи-друзья? Окей, спим под разными одеялами. Продукты пополам покупаем? Да, запросто! И какого попугая тогда удивляться, что у жены кто-то появился? Да и сам разок в неделю заглядывал в ресторанные випки. Страсть угасла, любовь свыклась, а тут еще и третья субстанция – забота. Так я и превращусь в деда на печи с выводком курочек, о которых «забочусь...»

– В универе все нормально? – спрашиваю, усаживаясь за стол.

– Да, через месяц практика. Мы выбрали одну школу, – заявляет Марина, подавая мне что-то мясное, приятно ласкающее обоняние.

Машинально жую, не разбирая, что именно, замечая краем глаза сжавшегося в комок парня. Он взирает на меня, как на чудовище, готовясь в любой момент сорваться наутек. Я снял пиджак, и на моем боку кобура. Дочка тоже усаживается рядом с ним в молчании.

– Ну, и? – не глядя им в глаза, вопрошаю. – Из парламентаров только я по ходу.

– Мы подали заявление в ЗАГС. Завтра доведем справку, чтобы расписали вне очереди. – нетвердо объявляет парень.

Пауза. У меня точно пауза, а эти двое ждут каких-то слов.

– Я не уверен, что это правильно. В паре хотя бы одному стоит быть взрослому.

– Извините, Михаил Нико-о..., простите, Николай Михайлович. Дети должны расти в семье.

– Это тебе кто сказал? – сужаю глаза от его слов, хоть они в принципе и верны.

– Отец...

– А я могу услышать это от него лично? Пора уже познакомиться. – хмурясь, взираю на него.

– Не сможете. Он погиб. У меня только мама осталась. Она готова познакомиться... с семьей Марины... и поддерживает нас. – уже смелее получается у него.

Не добрым выходит разговор, но я и не обязан выводить

его на позитив. Это моя дочь, черт возьми, беременна в девятнадцать!

– Значит, решили в семью поиграть?

– Пап... Не поиграть. Мы давно вместе, уже почти год. У нас получится, конечно, не без помощи... – выдает Маришка.

– Я нашел подработку... – заявляет этот хлюпик.

Они оба вздрагивают, когда я уставляюсь на них невидящим взглядом. Горько, конечно, это все, но отправлять собственную дочь на выскабливание я не собираюсь. Это решение приходит само собой, хоть и обидно мне, как отцу, за нее.

– Если я хоть раз увижу ее слезы, или ты позволишь себе... – мой гаджет булькает сообщением о появлении абонента в сети, и я замолкаю. – Вы – тут. Пять минут. – бросаю, выходя из кухни и дожевывая на ходу.

– Тома, где ты?

– Я... уже еду домой. Задержалась на работе! – говорит неестественно приподнято.

Ну, зачем же ты врешь, Томка?! Хочется истошно заорать от напряжения, но это будет слишком просто.

– Я дома. Марина ждет тебя для разговора. Не оседай ни где. – стараюсь говорить холодно и сбрасываю вызов. – Мать едет. А где, собственно, собралась жить молодая пара? – возвращаюсь не к самому приятному разговору, но должен закончить его.

– От бабушки мне досталась квартира в Наро-Фоминске, но продажа займет время. Кроме того, придется добавлять, чтобы купить в столице, а ипотеку дадут, если у меня будет доход. – отвечает Вадик, теребя руки. – Я пока буду в общежитии, а Марина тут. – заключает, выдыхая.

– Славненько. – добавляю, взирая на них сверху вниз. – Ужинайте, встречай мать. – собираюсь уйти.

Решения у этих «товарищей», конечно же, нет. Хорошо хоть ума хватает поставить в известность родителей и не пытаться разругивать самим.

– Пап...

– Мне не просто, знаешь? Плевать, что он не принц, да все равно, кто он! – машу рукой в сторону Вадика. – Ты еще не взрослая, понимаешь? И я на самом деле не готов был вот так тебя пустить в расчет. Даже этот год ты будешь доучиваться с трудом, потом академка, потом пеленки... – выдыхаю, опуская голову, но словно волной какой-то меня толкает к ней, моей малышке.

Обнимаю ее, снова в слезах, зарываясь лицом в мягкие локоны.

– Можешь на меня рассчитывать. – говорю ей тихо, смиряясь с ситуацией. – А свадьба у тебя будет красивая, ладно? Я так хочу, булочка.

Слезы, конечно, исполненная тревоги и надежды физиономия с веснушками. Ну, дети! На что я рассчитываю?! Отправляюсь в кабинет и достаю из стола давно забытое удо-

вольствие. Partagas Capitols, осталась всего пара штук, как я бросил несколько лет назад. Ароматный кубинский табак приятно растекается пряным вкусом во рту, успокаивая меня и расставляя все по своим местам. Рассматриваю сизые всполохи, поплывшие по кабинету, и понимаю, что я банально завис, поэтому и не успеваю за очевидным. Время меняется, течет, а я так мало замечаю вокруг.

Еще вчера разглядывал зеленые газоны, а сегодня на них лежат кучи желтых листьев. Осень. «Время грустных стихов, вермута и зонтов...» – кажется, так? Маринка справится со своей новой ролью, даже не сомневаюсь, но решение однозначно скоропалительное. Хотя, если бы все здорово задумывались о детях, то человечество не достигло бы в своей численности и половины нынешней суммы. Человек – самое ненасытное животное, поэтому всегда не вовремя – мало денег, времени, не то жилье и множество разных причин. Наша страна умудрилась выжить в тяжеленную войну на куске хлеба, и жизнь не останавливалась. После этого нить про деньги и квартиры... как-то убого. И да, я предприму усилия, чтобы тоже поверить в удачный исход этой затеи. Надо же, дедом меня решили сделать... Горько усмехаюсь, ловя взглядом Тамару, робко вошедшую в кабинет.

Мы познакомились с ней на танцульках. Красивая, подвижная, стройная, с распущенными длинными русыми волосами. Ее смех разливался по телу жгучим желанием, и скоро я понял, что другую не хочу. Мы жили в соседних селах,

поэтому родители Тома были довольны ее выбором. «Не испорченный большим городом, трудяга» – эпитеты для меня, и я попер, как танк. Армия, контракт, работал на гражданке. После рождения Маришки, честно говоря, выдохнул. Определенный предел, рубеж, когда нормальный мужик должен расставить акценты. Есть жена, ребенок, работа, чего еще надо?

Оказалось, что чувства костенеют, и отмирают, если их не подпитывать, а дети растут очень быстро. Вот и сейчас, смотрю на Тому, симпатичная, приятная, а уже не то, не сохранили мы с ней того самого, что когда-то горело и томно вздыхало в ночной тишине. Так и оставили там, в нашем первом собственном сельском доме с настоящей русской печкой, потрескивающей зимними дровишками.